

Глава 25

Ночь, когда город наводнили бездомные души

Перемены, произошедшие во время пира, не укрылись от взгляда Дань Фэна.

Большинство гостей, словно лишившись души, застыли на своих местах, слившись с толпой безмолвных музыкантов.

Были и те, кто, подобно Байли Шулин, до смерти перепугался, но, сдерживая слёзы, не смел покинуть Башню Юньшао. Но по мере того, как один за другим раздавались тихие, безумные возгласы «Мне чего-то не хватает», таких становилось всё меньше.

Катастрофа, вызванная вышедшей из-под контроля тенью, только начиналась. Разве мог Дань Фэн оставаться в стороне?

Он скользнул взглядом по ногам присутствующих.

Чего им не хватало? Ответ был очевиден.

Вероятно, из-за того, что двери и окна башни были плотно закрыты, а всё внимание гостей было приковано к Куньлуньскому рабу, они и не заметили, что лишились своих теней. Но стоило зажечься свету, как они опомнились. Лишённые части души, они неминуемо должны были сойти с ума.

— Их ещё можно спасти? — понизив голос, спросил Дань Фэн.

— Как только тень будет переплавлена, пути назад не будет, — ответил Се Хуньи.

Значит, ещё есть шанс? Но с чего бы тени выплёвывать то, что уже попало ей в пасть?

Задача была не из лёгких.

Ликование на лице Куньлуньского раба стало особенно раздражающим.

Получив от Дань Фэна мощный пинок, он ничуть не рассердился. Лишь крепче прижал к себе медный поднос, и в его изумрудных глазах застыло выражение крысы, стащившей масло из лампы. Он то и дело бросал на Се Хуньи тоскливые взгляды.

Этот тип всё ещё не угомонился?

Лицо Дань Фэна потемнело, и он загородил ему обзор.

— Чего уставился? Он тебе что, Хун Сяо?

— Слуга, даже окрасив свои зелёные глаза в красный, не спутает гостя с Хун Сяо, — застенчиво произнёс Куньлуньский раб. — Но и слуге надобно искать свою судьбу в браке.

— Только попробуй.

Куньлуньский раб замахал руками.

— Бодхисаттва только что указал мне на другой брак. Увы, это будет слепая свадьба, даже не знаю, кто моя суженая.

— Призрачный Бодхисаттва ещё и сватовством занимается? Смотри, как бы тебе с твоими сотнями рук не сосватали тысяченогую сколопендру — чёрт!

Дань Фэна осенило, и он резко повернулся к окну.

Кто же ещё?

Призрачный Бодхисаттва так торопился сосватать Невесту Ванцзин.

Неужели он позволит этому типу извлечь выгоду из их с Се Хунъи противостояния?

Куньлуньский раб, не обращая внимания на его мрачное лицо, подбросил медный поднос, и на нём из ниоткуда появился огромный вышитый шар алого цвета. От него исходило отвратительное зловоние, а цвет его был настолько насыщенным, что казалось, с него вот-вот закаплет кровь.

— Что ж, раз такова воля Бодхисаттвы, так тому и быть.

Дань Фэн схватил его за руку.

— Постой, что это такое?

— Ай! — взвыл Куньлуньский раб. — Всего лишь безделушка для брачной ночи.

— Друг, ты пользуешься ситуацией. Градоначальник Се всё продумал до мелочей, с какой стати тебе достанется брачная ночь?

— Что вы такое говорите, гость? Неужели... Бодхисаттва обещал мне Невесту Ванцзин?

— Раз знаешь, то и не лезь, — Дань Фэн изобразил дружелюбную улыбку и рубанул ладонью по руке Куньлуньского раба. — Иначе, — он щёлкнул пальцами, — из сторукого станешь одноруким.

— Не смею, не смею! Молэ хоть и низок родом, но к вашей супруге питает самые искренние чувства. Убить мужа и завладеть женой — вот предел моих мечтаний! Можете быть спокойны, гость!

Что за чертовщина! От его слов в голове Дань Фэна закипала ярость...

— Я ещё и благодарить тебя должен? — безэмоционально спросил он. — Ты, детина под три метра ростом, должен блюсти себя, чтобы в будущем преподнести себя в качестве свадебного дара, а не пускать слюни на чужих жён.

Он дал ему такой дельный совет, но Куньлуньский раб отчего-то просиял, и его лицо залилось румянцем. Дань Фэн тут же почувствовал неладное.

Этот тип что, не...

И действительно, Куньлуньский раб восторженно воскликнул:

— Благодарю за наставление, гость! Это я был недалёк. Раз уж это чужая жена... Молэ может попробовать с любой.

— Эй, ты человеческую речь понимаешь?

— Понимаю, понимаю! Бодхисаттва так добр, небеса даровали мне прекрасный брак! — воскликнул Куньлуньский раб и, обняв вышитый шар, пустился в пляс.

Окно Башни Юньшао, неизвестно когда, распахнулось.

В проёме показался давящий силуэт тени, склонившейся над башней. Куньлуньский раб, уставившись на неё, на мгновение замер, а затем с силой облизнул губы.

— Оставь свои мысли при себе, — сказал Дань Фэн. — Осмелишься бросить в тень этот шар, и я скручу твои руки в узел, как кисточки на фонаре.

Куньлуньский раб усмехнулся.

— Какой вы жадный, гость. Вы ведь тоже положили глаз на чужую жену.

Дань Фэн схватил его за шею и с силой сжал.

Куньлуньский раб преувеличенно громко вскрикнул и поспешно поднял шар над головой.

— Забирайте, гость, забирайте! Ах, как жжётся!

Вышитый шар начал стремительно раздуваться. Он был похож на живую плоть, и на его поверхности раскрылись бесчисленные детские глазки, которые, вращаясь, уставились на тень. Раздался пронзительный младенческий плач.

Дань Фэна чуть не стошнило.

— Что это за дрянь? У неё ещё и пуповина есть!

Из мясистого шара действительно полезли кроваво-красные пуповины. Один их конец впился в ладонь Куньлуньского раба, жадно всасывая кровь, а другой устремился в сторону тени.

— Хи-хи, отцовская сущность, материнская кровь... под светом красных свечей заключается брак...

Мясистый шар заговорил человеческим голосом, и любому было ясно, что ничего хорошего это не сулит.

Се Хуньи всё это время молча наблюдал за происходящим. «Записи „Внимая небесной радости“» висели перед ним в воздухе, их страницы переворачивались сами собой.

Новый свадебный обычай, изменённый Божеством, занимающим пустующий престол, появился на страницах.

Свиток свадебных обычаев, девятый? Вышитый шар-младенец? Обряд брачной ночи.

— Пуповины — это и есть красные нити, — опустив взгляд, прочитал Се Хуньи. — Вышитый шар-младенец, созданный из плоти семидесяти семи мёртвых младенцев. Вкусив сущности и крови родителей, он может паразитировать на материнском теле, вызывая беременность... Не дай ему коснуться тени!

Этот шар был наполнен невероятно сильной обидой, и его действие было несравнимо с обычной красной нитью. Одного прикосновения было достаточно, чтобы связать узлами брака. Похоже, кто-то твёрдо решил заполучить тень. Се Хуньи, подумав о происхождении этого

шара, помрачнел.

Бодхисаттву Внимающего Небесной Радости нужно было уничтожить.

Куньлуньский раб, чью кровь высасывали пуповины, и чьи руки усохли, был в восторге. Последователи этого Бодхисаттвы всегда безумно жаждали брака, а он, будучи призраком, рождённым из театра теней, как мог не радоваться?

Множество пуповин, извиваясь, как змеи, устремились к окну. Но Дань Фэн был быстрее. Он с разбегу ударил Куньлуньского раба в грудь, отбросив его в центр зала!

Куньлуньский раб вскочил на ноги и, воспользовавшись моментом, скрестил руки на голове и принялся энергично вращать бёдрами. Бронзовые мышцы на его животе вздулись, а маленькие золотые барабанчики на поясе зазвенели, испуская красный свет. На мгновение даже мотыльки, кружившие у ламп, забыли о свете и, сбившись в кучу, затрепетали крыльями. Сидевшие за столами гости пришли в смятение, бессознательно обнимая и лаская друг друга.

В голове Дань Фэна загудело, и он инстинктивно потянул за красную нить, желая прижать кого-то к себе, заключить в мёртвой хватке. Но едва прохладное прикосновение коснулось его, как ковш вина выплеснулся ему в лицо.

Се Хуньи отбросил ковш и спросил:

— Очнулся?

Дань Фэн вытер лицо. Вкус прохладного вина привёл его в чувство, хотя нечестивый огонь в его сердце ещё не угас.

Плохо! В звуках этого барабана была заключена невероятно сильная брачная сила, которая, проходя сквозь стены башни, с тысячекратной мощью устремлялась к тени.

А тень, одинокая и растерянная, как смертный, потерявший душу, инстинктивно искала Се Хуньи. Как она могла не поддаться этому зову?

— Кто разрешил тебе петь эти похабные песни? — зловеще произнёс Дань Фэн и ударом рукояти клинка сбил Куньлуньского раба с ног, избивая его так, что его руки и ноги вывернулись в неестественных позах. — Размахиваешь тут своими телесами, исполняя этот вульгарный танец! Я же сказал, что скручу тебя в бараний рог...

— Дань Фэн, обернись, — не выдержав, сказал Се Хуньи.

Дань Фэн обернулся и почувствовал, как фонарь над головой качнулся, и на мгновение его

разум помутился. В следующую секунду его тело стало лёгким, и Куньлуньский раб швырнул его в сторону.

Се Хунъи скользнул по нему взглядом и, перехватив тремя пальцами красную нить, остановил его полёт к стене.

Такие длинные, тонкие пальцы, и вдруг такая несокрушимая сила.

Обмен формами и тенями?

Се Хунъи, не удостоив его взглядом, перевернул ладонь, и в его руке появился длинный лакированный лук.

После того как все брачные стрелы были выпущены, остался лишь этот хрупкий, пустой лук. Его пальцы неслышно коснулись тетивы, словно проверяя её натяжение.

Дань Фэн обычно стрелял, цenia лишь точность и силу, но этот, напротив, держался с изяществом, словно принц из мира смертных, демонстрирующий своё искусство.

— Считаешь, что я медленный? А сам играешь в эти игры? — усмехнулся Дань Фэн. — Где твои ветряные стрелы? Смотри, пальцы не порежь.

Хотя танец Куньлуньского раба и был грубо прерван, тень всё равно приближалась. Оконная рама была опутана пуповинами, которые ждали, когда тень сама попадёт в ловушку.

— Они не понадобятся, — равнодушно ответил Се Хунъи.

В момент, когда он натянул лук, его широкие рукава соскользнули, как облака, и на сгибе локтя мелькнул серебряный блеск.

Раздался лишь звук пустой тетивы.

Но тень, летевшая вниз, пронзительно взвизгнула, словно её пронзила стрела, и, развернувшись, устремилась прочь.

— Ты всегда так с ним обращаешься? — возмутился Дань Фэн. — Сколько стрел ты в него уже всадил?

— Дань Фэн, обернись, — снова сказал Се Хунъи.

— А я не обернусь, — со злостью ответил Дань Фэн. — И что ты мне сделаешь?

— Как хочешь.

— Тень лишь на время отступила. Что ты собираешься делать дальше?

Се Хунъи бросил взгляд на фонари в башне.

— Воспользоваться моментом. Спасать и убивать.

Едва он это сказал, как фонари в углах замигали, и раздался грохот, подобный шагам великана. Земля затряслась.

Очевидно, близился час, когда погаснут огни. Куньлуньский раб, воспользовавшись моментом, снова освободился и пустился в пляс. В башне раздавались пронзительные детские крики.

Возгласы «Мне чего-то не хватает» за столами прекратились. Все замолчали, и слышно было лишь влажное чавканье, словно кто-то торопливо шевелил губами.

На сердце у Байли Шулин лежал камень, и она уже не чувствовала страха. Быстро вытерев слёзы, она снова села рядом с Лоу Фэйгуаном.

Окровавленную серебряную палочку она держала в руке, оперев её в стол.

Кто сидел рядом с ней — люди или призраки? Почему у всех так бешено вращаются глаза? Один особенно злобный взгляд впился в неё, готовый пронзить насквозь.

Ладонь этого человека кровоточила — это был тот самый заклинатель, которого она ранила. Сейчас он левой рукой, обмакнув пальцы в вино, писал что-то на своей окровавленной ладони.

Писал?

В сознании Байли Шулин промелькнула ледяная догадка. Этот чавкающий звук исходил не от губ. Все присутствующие, пользуясь игрой света и тени, пишут что-то на своих ладонях, обмакнув пальцы в воду!

Это была тайная техника, описанная в «Записях „Внимая небесной радости“», и именно её гости использовали, чтобы одолеть сторукого демона.

Техника сжатия тени ударом по столу.

Если написать на ладони вином три иероглифа «Мэнлингуань» и с силой ударить по столу, можно подавить сторукого призрака.

Но что, если... если использовать её на человеке?

Те несколько ударов, что Байли Шу принял на себя, защищая её... то, как он обмяк под ножом мясника, превратившись в кусок кожи... заклинатель, напавший из-под стола... Бесчисленные сомнения и страхи сменяли друг друга в мерцающем свете ламп. Лица гостей расплывались, но мышцы на их щеках были напряжены, словно они сдерживали улыбку.

Бам!

Лоу Фэйгуан с силой ударил локтем по столу. Другой рукой он схватил себя за запястье, словно пытаясь что-то сдержать. Повернувшись к ней, он процедил сквозь зубы:

— Сяо Лин, не опускай голову и... ни в коем случае не дай им ударить по твоей точке Гуанмин!
— он почти умолял. — Если не сможешь увернуться, и они нападут, пусть лучше... превратят в твою тень меня!

В тот же миг по спине Байли Шулин пробежал холод, и она наконец поняла.

Неужели, лишившись тени, они собираются превратить в неё живого человека?

Она крепко сжала серебряную палочку и, обхватив колени, села. Холодный пот пропитал её одежду. Пока эти люди нападали исподтишка, ещё можно было защититься. Но если погаснут фонари, это место превратится в охотничьи угодья.

И именно в этот момент ближайший к ней фонарь с шипением...

...рухнул на пол!

Корпус фонаря разлетелся на куски, и из него вырвался поток алого газа.

Дань Фэн, воспользовавшись тем, что он был тенью, в прыжке сорвал один из фонарей. На его корпусе были написаны три маленьких иероглифа «Мэнлингуань». Не успел он их разглядеть, как алый газ с жужжанием набросился на него. Неудивительно, что эта штука мигала так хаотично и не нуждалась в огне. Она что, живая?

— Насекомое теневого мира? — вскрикнула Байли Шулин.

Точно. Он их не знал, но эта юная целительница должна была разбираться.

Он уже собирался схватить несколько штук, как Се Хунъи без предупреждения потянул за красную нить, притащив его к себе!

— Не трогай.

Дань Фэн, воспользовавшись моментом, схватил его за плечо.

— Что-то не так. Я же тень, мне ничего не будет. Чего ты боишься, градоначальник Се? Или в этих фонарях есть какой-то секрет?

Се Хунъи сел за стол. Вены на тыльной стороне его ладони вздулись — очевидно, он с трудом сдерживал желание отшвырнуть его. Дань Фэн скользнул взглядом по его пальцам и с непонятным чувством подумал, что эти руки созданы для игры на цине.

— За что я до сих пор тебя терплю... — произнёс Се Хунъи, с силой надавив на переносицу.

— Может, потому что лицо знакомое?

Се Хунъи окинул его взглядом. Его глаза были такими же холодными и ясными, как осенняя вода.

— Я угадал, и ты меня не бросишь? — спросил Дань Фэн.

Се Хунъи слегка приподнял бровь и принялся наматывать красную нить на запястье.

Лёгкое натяжение, совпавшее с его сердцебиением, пробежало по пальцам Дань Фэна, вызывая лёгкую дрожь.

Брови Дань Фэна сошлись на переносице. Он почувствовал, как по его пальцам словно пробежали муравьи. А его собственная ладонь под действием этой силы притягивалась к руке Се Хунъи.

Этот тип явно не закалял своё тело. Кожа тонкая, как фарфор, сломается от одного прикосновения.

По сравнению с ним, его пальцы были как железная клетка, способная легко удержать противника, не оставив ему ни единого шанса на спасение.

У Дань Фэна без всякой причины зачесались зубы. В его голове мгновенно возникло с десяток способов обездвигить его. Но стоило ему шевельнуть пальцами, как Се Хунъи, словно почувствовав это, поманил его кончиком пальца, и в его глазах промелькнула нескрываемая злоба.

— Тебе нравится быть тенью? — мягко спросил Се Хунъи. — Так, чтобы по первому зову...

Фонари резко погасли.

Фигура сторукого демона раздулась, почти заполнив всю башню, а маленькие золотые барабанчики на его поясе стали размером с боевые барабаны.

— ...и по первому же знаку исчезать!

Невероятная сила подхватила Дань Фэна, и он полетел прямо в объятия Куньлуньского раба!

— Ты позволяешь ему трогать меня? — Дань Фэн, ухватившись за красную нить, зацепился ногой за балку. — Если он меня тронет, пострадаешь ты. К тому же, какая тебе от этого выгода?

Огромные, зелёные, как фонари, глаза Куньлуньского раба внезапно раскрылись, и в них промелькнуло явное отвращение.

Из воздуха возникла гигантская ладонь и, отмахнувшись от него, как от назойливой мухи, ударила тыльной стороной.

Дань Фэн скривился.

— Ты ещё и брезгуешь мной?

— Слуга верен своей госпоже и не приближается к назойливым мухам и бабочкам, — пророкотал Куньлуньский раб. — Соблюдайте приличия, гость!

— Вы же только что встретились, о какой верности речь?

Куньлуньский раб закатил глаза и, с силой ударяя по золотым барабанам на поясе, запел во весь голос:

— Госпожа моя, госпожа, помню нашу встречу в нефритовой башне. Твои глаза, как ртутные зеркала, отразили мою предначертанную судьбу. Я и чая не пью, и еды не ем, глаза мои не смыкаются. Почему же ты медлишь, госпожа...

Голос был грубым, но обладал чарующей силой, способной даже богиню луны спустить с небес.

Но в этот момент раздался оглушительный удар, прервавший песню.

Дань Фэн беззастенчиво уселся на один из золотых барабанов и с силой топнул по нему ногой.

— Прошу прощения, споткнулся. Будем считать, для увеселения. Друг, продолжай, почему ты замолчал?

Его лицо, и без того резкое и дерзкое, от этой улыбки стало ещё более вызывающим. Куньлуньский раб нахмурился и, словно отгоняя кровососущую блоху, ударил себя по боку.

— Ай-яй, я сейчас умру, Се Хунъи, ты собираешься что-нибудь делать?

Се Хунъи не только не пришёл ему на помощь, но, наоборот, поймав момент, швырнул его прямо в живот Куньлуньского раба. Железные мышцы пресса мгновенно оказались перед его лицом, и в нос ударил едкий запах пота и крови.

Этот тип целыми днями исполняет свои вульгарные танцы, обливаясь потом. Сколько лет он не мылся?

Дань Фэн резко вздрогнул и вскочил на ноги.

— Ты серьёзно? Какая тебе выгода от моей смерти от удушья?

— Тогда беги дальше, — холодно ответил Се Хунъи.

Хлоп!

Куньлуньский раб ударил себя по боку, и брызги пота разлетелись во все стороны. Он с наслаждением почесал ушибленное место и, не обнаружив останков Дань Фэна, сверкнул зелёными глазами. Потная ладонь снова устремилась к нему.

Дань Фэн, держась за красную нить, прижал её к губам и процедил сквозь зубы:

— Бессердечный. Когда ты был тенью, как я с тобой обращался? Положа руку на сердце, я тебя не бил, не запускал, как воздушного змея, разве что пару раз за плечи схватил да браслет покрутил. И это нельзя?

Кстати, кажется, он ещё и вывихнул ему запястье...

Его слова оборвались.

Се Хунъи, перехватив нить тремя пальцами, резко дёрнул, и Дань Фэн взлетел в воздух, приземлившись прямо перед Куньлуньским рабом.

— Какое навязчивое внимание, трудно отказать... — пробормотал тот.

— Прошу прощения, разрешите пройти! — крикнул Дань Фэн и, пробежавшись по барабанам, заставил Куньлуньского раба бить по ним снова и снова.

Из-за этого золотые барабаны перестали слушаться. Удары приходились вразнобой, издавая фальшивые, странные звуки, и прекрасная мелодия превратилась в скрежет пилы.

Дань Фэн понял.

— Ты хочешь прервать демоническую песню? Но как долго я смогу продержаться, прыгая здесь?

— Ты запомнил расположение семи звуков?

— Запомнить-то запомнил, но ещё нужно, чтобы наш чёрный друг позволил... — сказал Дань Фэн, его фигура расплывалась в урагане ударов. — Хорошо, если я смогу немного помешать, а ты ещё и хочешь, чтобы я тебе тут концерт устроил?

— Спрячься под барабанами, жди, когда вернётся тень.

— Под барабанами?

Се Хунъи провёл пятью пальцами по нити, и лёгкая, изысканная сила обвила пальцы Дань Фэна.

Тот, споткнувшись на бегу, провалился между двумя золотыми барабанами и, ухватившись за них, повис в воздухе.

— Се, да ты с ума сошёл! Я еле успел среагировать! Не мог предупредить? — процедил Дань Фэн. — Ты спятил, ждать, пока вернётся тень? Ждать, пока эти призрачные вышитые шары назовут его мамочкой?

Се Хунъи, подставив его, снова скрылся в тени, словно чего-то ожидая.

Дань Фэн, проведя с ним эту ночь, уже привык к его непредсказуемому поведению. Он словно играл вслепую в тёмной комнате, и слышны были лишь быстрые, холодные щелчки камней на доске. Ему было наплевать на чужие жизни. А он сам, висая на этих тонких пальцах, был лишь марионеткой... Да как бы не так!

Се не хотел раскрывать свои карты? Что ж, он и сам может посмотреть.

Он, напрягая руки, спрятался под барабанами. Демоническая песня о сватовстве грохотала над

его головой, заполняя весь зал. Но на этот раз в башне больше не было слышно смеха и любовных стонов.

В темноте замерцали огоньки.

— Мне не хватает, мне не хватает...

Шёпот становился всё громче и громче, словно жужжание мух, и, наконец, слился в единый, пронзительный вопль.

— Мне не хватает!

— А-а-а-а-а!

Кто-то уже успел нанести удар, легко хлопнув соседа по голени.

Этот удар был бесшумным. Даже Дань Фэн смог заметить лишь мимолётную вспышку света.

Пять цуней над лодыжкой — точка Гуанмин.

Он прекрасно знал все уязвимые точки человеческого тела. Точка Гуанмин, находящаяся на пересечении энергий инь и ян, укрепляла дух и была своего рода замком между телом и тенью. Непонятно, как она оказалась так близко к поверхности, что её можно было погасить одним ударом.

Заклинатель, получивший удар, рухнул на пол. В темноте послышались странные звуки, словно кто-то топтался по скользкой, кровавой массе.

— Ха-ха-ха! Моя тень, у меня есть тень!

Лицо Дань Фэна мгновенно изменилось.

И дело было не только в этой башне. Взаимное истребление, до последнего вздоха... Увидит ли кто-нибудь из гостей этого города рассвет?

— Жди, — сказал Се Хунъи.

Одно-единственное, мягкое слово, но в нём была твёрдость скалы.

Дань Фэн всё понял.

— Так вот что ты задумал. Каковы шансы на успех?

— Замысел — мой, исполнение — твоё, — равнодушно ответил Се Хунъи и, приложив палец к губам, добавил: — Молчи и слушай.

Демоническая песня, разносившаяся из Башни Юньшао, окутала окрестности. Птицы забыли о возвращении в гнёзда, и даже лунный свет над Городом Блуждающих Теней стал мягким и томным.

Тень в небе яростно меняла очертания. Лишь мощь стрелы Се Хунъи удерживала её от приближения.

Если поднять голову, можно было увидеть, как из неё вырываются бесчисленные руки и ноги.

Хорошая новость. Тени, похищенные у гостей, ещё не были переплавлены. Они сопротивлялись, не желая подчиняться, и это доводило тень до безумия. Злая техника переплавки тени была обоюдоострым клинком.

Одного взгляда было достаточно, чтобы сердце Дань Фэна похолодело.

Чтобы спасти тени гостей, нужно было спровоцировать тень на решающий удар.

Разозлить её было нетрудно.

Но он уже видел мощь Иллюзии из плоти и крови. Даже его Тело Дракона-факела не выдержало бы прямого столкновения и было бы обращено в прах, не говоря уже о нынешнем, смертном теле Се Хунъи. Каковы были шансы на успех в этой рискованной игре?

— Ты что, решил поставить на кон свою жизнь? — спросил Дань Фэн, невольно поражаясь безумию, которое сквозило в каждом его движении.

Естественная связь между телом и тенью позволяла ему даже в темноте различать очертания Се Хунъи. Его хрупкий силуэт казался сотканным из холодного пепла, оставшегося после самосожжения.

Се Хунъи, отдав приказ молчать, больше не удостоил его даже взглядом. Он смотрел на ближайший фонарь.

Фонарь погас и слегка покачивался в лунном свете.

Гости, хоть и обезумели, инстинктивно защищали свои точки Гуанмин. Они сидели, скрестив

ноги, и ждали момента, чтобы наброситься и отнять тень.

В перерывах между ударами барабанов хлопки становились всё реже, но дыхание присутствующих — всё тяжелее.

— Тень... моя тень... — простонал кто-то.

— Мне не хватает... мне не хватает, мне не хватает!

— Отдай!

Бам!

— А-а!

Глухой удар локтя о стол, а затем сдавленный вскрик, несомненно, принадлежавший Байли Шулин.

Её хрупкое телосложение, несомненно, делало её лёгкой добычей. Последовал резкий свист, и её опрокинули на пол. Юбки задралась, и точка света на её голени стала видна.

Нападавший заклинатель ударил, и слабый свет на ноге Байли Шулин погас... но в следующую секунду он вспыхнул с новой силой и пронзил руку заклинателя.

Тот завыл от боли. Его тело было опутано лианами, и он не мог пошевелиться. Это был не свет точки Гуанмин, а самые свирепые и кровожадные корни Кровавого нефритового плюща!

Очевидно, Байли Шулин, обмотав ногу ядовитыми лианами, притворилась слабой, чтобы заманить врага в ловушку. И ей это удалось.

Се Хунъи слегка приподнял брови и внимательно посмотрел на Байли Шулин.

— Войти в твою призрачную башню — всё равно что кожу с себя содрать, — тоже приподняв бровь, заметил Дань Фэн. — Стоило свету мигнуть, и девчонка научилась устраивать засады. Но, Се Хунъи, твой взгляд на неё мне не нравится.

— Хочешь, чтобы он вернулся — позови его по имени под светом лампы, и пусть он обернётся.

Эти слова, сказанные легко и небрежно, миновали Дань Фэна и достигли ушей Байли Шулин.

Байли Шулин, крепко стиснув зубы и преодолевая острую боль в ноге, принялась обыскивать одежду заклинателя. Кровавый нефритовый плющ, учуяв кровь, начал расти с бешеной скоростью, и она не смела медлить. Но услышанные слова заставили её замереть. По телу пробежал озноб.

Вернулся? Неужели Байли Шу, превратившийся в кровавую тень, действительно мог вернуться?

Неподалёку всё больше и больше обезумевших заклинателей прыгали по столам.

Лунный свет время от времени пробивался сквозь мельтешение сотен рук Куньлуньского раба. Безумцы кружились в танце, и под их ногами извивались белые, похожие на змеиную кожу, человеческие шкуры. Один из них, пролетая мимо неё, коснулся её руки. Холодное, мягкое прикосновение вызвало у неё мурашки.

Зов крови заставил её горло сжаться. Она протянула руку, чтобы схватить человеческую кожу, но снова промахнулась.

— Брат!

Позвать по имени под светом лампы... чтобы он вернулся!

Но все фонари погасли. Неужели градоначальник Се имел в виду, что она должна зажечь их?

Никто лучше неё не знал, что эти насекомые теневого мира бессмертны. Они лишь временно потеряли свой свет.

Байли Шулин, не раздумывая, раскинула руки. Поток лазурного света развернулся в длинный, в несколько чжанов, свиток, на котором, переливаясь, текли бесчисленные иероглифы. Большинство из них светились золотом — это были названия редчайших в мире духовных лекарств.

Зерцало Небесного Истока Целителя.

Каждый раз, когда она разворачивала этот артефакт, который был у каждого целителя, её охватывал трепет перед непредсказуемостью судьбы. Она пришла в Город Блуждающих Теней именно для того, чтобы найти один компонент для своего рецепта.

Насекомое теневого мира. Вечно светится, не рождается и не умирает, обитает на призрачном пути Сяньчи, в компании блуждающих душ.

Боится жары, любит холод. В холодную погоду светится, днём тускнеет. При сильном огне

сердца становится невидимым.

Растолочь стеклянной иглой, можно использовать в медицине. Свойства холодные, действие неизвестно.

Огонь сердца?

— Отдай... отдай!

— Мне не хватает, а-а-а-а, мне не хватает!

— Моя тень, кто забрал мою тень? Отдай!

Вопли и крики в башне наконец помогли Байли Шулин понять смысл этой фразы.

Сотни рук демона, ищущего пару, были полны страсти. Люди, отнимающие тени, были безумны и алчны. И даже она сама, в тот момент, когда схватила Байли Шу, была охвачена горем и бесконечной жадой недостижимого. Вся Башня Юньшао превратилась в огромный котёл, в котором кипел огонь сердец.

При сильном огне сердца становится невидимым.

Эти фонари погасли из-за желаний в сердцах людей!

Хоть она и не умела управлять человеческими сердцами, она была целительницей и не собиралась сидеть сложа руки, ожидая, пока фонари зажгутся сами.

Байли Шулин, глядя на безумного заклинателя, провела пальцами по Зерцалу. С появлением насекомого теневого мира её рецепт был наконец завершён.

Рецепт Великого Спокойствия для Умиротворения Сердца.

Чистое небо, чистая вода, чистая природа. Светлая луна, простая одежда, чистое сердце. Древний рецепт из Небесной обители Суи, что в землях Чанлю, был невероятно сложен. Наскоро приготовив его, она почувствовала, как её сердце успокаивается, и зрачки Лоу Фэйгуана тоже постепенно прояснились.

В этот момент в её ушах снова раздался тот же голос, в котором слышалась лёгкая усталость:

— Рецепт Великого Спокойствия для Умиротворения Сердца. Ты хорошо поработала, вот только ошиблась с одним компонентом.

Неужели каждое её движение на пути поиска лекарств было под его пристальным наблюдением, и даже то, что она сейчас готовит лекарство, было им предвидено?

И этот совет — позвать по имени под светом лампы...

Сердце Байли Шулин дрогнуло.

Как она могла не узнать? Это был голос градоначальника Се.

Создание такого сложного рецепта требовало огромных затрат. Шестьдесят четыре основных компонента и бесчисленное множество вспомогательных были брошены в котёл, и запасы имён лекарств в Зерцале стремительно тускнели. Вся её духовная энергия растений была исчерпана, а в результате получилась лишь крошечная, с ноготь, щепотка белого порошка.

Трудно было представить, сколько небесных сокровищ потребовалось бы, чтобы воссоздать этот рецепт в его полной силе. А ведь для учеников Небесной обители Суи это было обычное лекарство.

Когда-то земли Чанлю были благословенным местом, полным сокровищ, чистой энергии, бескрайних зелёных гор... но в одну ночь всё это было погребено подо льдом.

Не успев предаться скорбным воспоминаниям, она крепко сжала эту спасительную соломинку.

— Дервяшка, распыляй!

Свистнул ветер, и порошок Великого Спокойствия для Умиротворения Сердца разнёсся по всей башне. Крики и вопли стихли. Люди забыли о тенях и, запрокинув головы, смотрели на луну. Даже Куньлуньский раб остановился, и в башне воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим покачиванием золотых барабанов.

Сердца успокоились, фонари зажглись.

Лицо безумного заклинателя осветилось красным светом, и человеческая кожа у его ног тоже приобрела живой, кровавый оттенок.

Сердце Байли Шулин забило от радости.

— Гуншань Цзэ, обернись! — крикнула она.

Безумный заклинатель обернулся на зов...

Позвать по имени под светом лампы, и пусть он обернётся. Тело и тень мгновенно поменяются местами!

Гуншань Цзэ мешком рухнул на пол, а Байли Шу, резко сев, поднялся с того места, где он лежал. Его лицо было необычайно живым. Это воскрешение из мёртвых казалось сном.

— Брат, ты вернулся? — воскликнула Байли Шулин.

Байли Шу скользнул взглядом от кончиков пальцев левой руки к правой, словно не узнавая своего тела. Байли Шулин инстинктивно потянулась к нему, но брат дёрнул плечом и коротко рассмеялся.

В этом смехе было что-то настолько холодное и злое, что сердце Байли Шулин сжалось от ужаса. Лоу Фэйгуан тут же заслонил её собой.

— Байли! — крикнул он.

Байли Шу даже не поднял головы. Он наклонился и принялся тереться щекой о человеческую кожу, глаза которой так и не закрылись.

— У меня есть... моя тень, моя...

— Как это могло случиться? — ошеломлённо спросил Лоу Фэйгуан. — После того как ты распылила порошок, даже у меня в голове прояснилось, и я перестал так сильно беспокоиться о тени. Почему Байли не вернулся в норму?

Лицо Байли Шулин было белым как полотно.

— Я поняла. Когда сосуд полон, вода переливается через край...

— Что это значит?

— Посмотри на его глаза.

Байли Шу, обнимая человеческую кожу, бешено вращал глазами. Его выражение было одновременно и знакомым, и чужим, что делало его ещё более ужасным.

— Тень... моя... вернись, вернись!

В этом теле явно была не только душа Байли Шу. Две души теснились в одном теле, и яростное сопротивление второй истощало все силы её брата.

— Насильно превращать живого человека в тень — это противно небесным законам. Неудивительно, что те заклинатели, заполучив тень, всё равно сходили с ума, — Байли Шулин до крови закусил губу. Осознав безвыходность ситуации, она впала в отчаяние. — Деревяшка, что же делать? Ни по отдельности, ни вместе он уже не будет прежним.

Лоу Фэйгуан почесал затылок.

— Если так рассуждать, то им обоим не хватает тени, вот они и дерутся. Может, просто вернуть им их тени?

— Вернуть?

Байли Шулин вздрогнула и, проследив за его взглядом, увидела в небе тень, из которой, словно кипятик, вырывались бесчисленные человеческие силуэты.

— Захватив одну живую душу, он чуть не сошёл с ума. Что же будет, если он поглотит столько теней? — сказал Лоу Фэйгуан. — Сяо Лин, ты можешь узнать Байли?

Глаза Байли Шулин широко раскрылись, и она, не мигая, начала всматриваться в небо. Но Лоу Фэйгуан положил ей руку на плечо и успокаивающе сказал:

— Сначала залечи раны. Всё, что могла, ты сделала. Вместо того чтобы полагаться на себя, лучше положиться на него.

Это «него» было сказано с намёком, и Байли Шулин поняла. Её усталый, как у подбитой птицы, взгляд перелетел через несколько качающихся фонарей и наконец нашёл ту фигуру.

После долгого, мучительного ожидания этой ночи Се Хунъи наконец вышел на свет.

Синие одежды спокойно ниспадали, его силуэт в профиль был подобен весеннему горному ручью, пробивающемуся сквозь снег.

Она немного боялась этой фигуры, и сейчас, когда он протянул руку, она невольно вздрогнула.

Кто из гостей, видевших, как его стрелы усмиряют прилив злой кармы, не знал, какая яростная сила заключена в этой руке? Эти резкие, неистовые ветряные стрелы были подобны самому Се Хунъи — в них всегда была решимость разбиться вдребезги, как водопад, срывающийся со скал. Эта картина, когда-то вызывавшая ужас, сейчас, наоборот, успокаивала.

На этот раз Се Хунъи не натягивал лук. Он лишь легко положил руку на медный поднос перед собой.

Куньлуньский раб, уже привыкший к двум мирам — света и тьмы, — умело опустился на колени и, подняв обеими руками поднос, доверху наваленный фруктами, протянул его.

Огромный вышитый шар был привязан у него на груди. Этот вид жениха придавал его заискивающему выражению некоторую рассеянность. Он то и дело бросал взгляды в сторону Невесты Ванцзин.

Этот призрак был, пожалуй, самым страстным любовником в мире. Даже под действием порошка Великого Спокойствия он всё ещё был охвачен похотью, не понимая, какой грозный дух стоит перед ним.

Пока Се Хунъи не постучал пальцем по подносу.

Их взгляды встретились, и Куньлуньский раб резко вздрогнул. Он прикрылся подносом, оставив лишь щель для глаз.

— Ох, нехорошо, как невежливо! Не сердитесь, градоначальник, слуга не смеет больше, не буду смотреть, вот прямо сейчас перестану, но... — он сменил тон на притворно-затруднённый, — посмотрите на мою память. Бодхисаттва обещал мне невесту, а это значит, что и градоначальником... теперь должен стать я?

Он широко улыбался, не скрывая своих намерений. Се Хунъи не рассердился. Через мгновение на его губах появилась едва заметная улыбка.

Свет луны и снега, так близко.

Но Куньлуньский раб, словно увидев живого призрака, отпрыгнул назад, рассыпав фрукты по всему полу.

— Что ты ещё задумал? Даже если ты будешь стрелять в меня ветряными стрелами, я не согнусь перед силой!

— Не согнёшься? — равнодушно переспросил Се Хунъи. — Молэ, ты же верный слуга и праведный воин. Как ты поступишь?

Он перевернул ладонь, и в его белоснежных пальцах была зажата бумажная фигурка.

Изящная и грациозная, в одеждах из алого шёлка — кто это мог быть, если не Хун Сяо? Он спрятал её у себя ещё тогда, когда проходил мимо театра теней.

Маслянистый блеск в глазах Куньлуньского раба исчез. Хоть он и был призван Бодхисаттвой Внимающим Небесной Радости, тот театр теней был его истоком, его причиной и следствием.

Как он мог избежать своей роли?

Верный слуга и праведный воин, похищающий Хун Сяо под луной!

Се Хунъи, зажав бумажную фигурку между пальцами, слегка помахал ею перед ним. Куньлуньский раб подпрыгнул, и мышцы на его спине напряглись, словно бесчисленные сжатые кулаки готовы были вырваться наружу.

— Внимающий Небесной Радости дал тебе лишь столько сил? — с усмешкой спросил Се Хунъи.
— Раз уж ты его любимый полководец, он должен был поделиться с тобой своей божественной силой.

Едва он это сказал, как в глазах Куньлуньского раба вспыхнул кровавый огонь, а мышцы вздулись буграми, увеличив его тело вдвое. Кожа, сдерживаемая светом ламп, не выдержала такого давления и лопнула, и из неё, словно змеи, вырвались сотни рук, устремившись к Се Хунъи!

— Ты... смеешь играть со мной... — прорычал Куньлуньский раб. — Хун Сяо!

Се Хунъи, и без того бледный, под натиском сотен рук и теней ламп стал ещё блее.

Красная нить на его запястье внезапно дёрнулась.

— Смотри, не заиграйся! — крикнул Дань Фэн. Он всё это время сидел в стороне, наблюдая за битвой, но теперь его лицо напряглось. — Се Хунъи, обернись!

Се Хунъи не обернулся. Он, наоборот, потянул за красную нить и забросил его на балку, на мгновение скрывшись из его поля зрения.

— Се Хунъи!

Смертное тело, естественно, не могло выдержать такой нагрузки. Но он давно привык к боли и мог в этот решающий момент ухватиться за единственную возможность.

Он схватил горячий серебряный браслет на своём локте и сдвинул его вниз, на запястье.

В тот момент, когда запретное имя Почтенного было временно снято, он приложил бумажную фигурку Хун Сяо к своему духовному алтарю. Красный свет окутал его, превратившись в алые шёлковые одежды.

Бумажная фигурка Хун Сяо ещё не успела обрести разум, но уже обладала начатками

сознания. Как она могла упустить возможность завладеть телом?

Его облик и черты лица под её влиянием начали стремительно смягчаться, преображаясь в женские. Он стал подобен радуге в небе, затмившей собой алый цвет одежд. Удар Куньлуньского раба замер в воздухе, его сотни рук согнулись, а на свирепом, тёмном лице на мгновение появилось выражение сострадания, подобное лику Гуаньинь.

— Госпожа Хун Сяо, клятва, данная в три часа ночи, в башне, перед зеркалом...

— Ты осквернён убийственной натурой Внимающего Небесной Радости, твоя природа испорчена. Я терпел тебя до сих пор лишь потому, что ты рождён из верности и явился из-за любви, — сказал Се Хунъи, и уголки его губ слегка изогнулись. — Молэ, ты хочешь увести меня с собой?

<http://bllate.org/book/16978/1586504>